

от - 5 СЕН 1984
Газета №

г. Москва

ЭСТРАДА

МАЯКОВСКИЙ
В МУЗЫКЕ

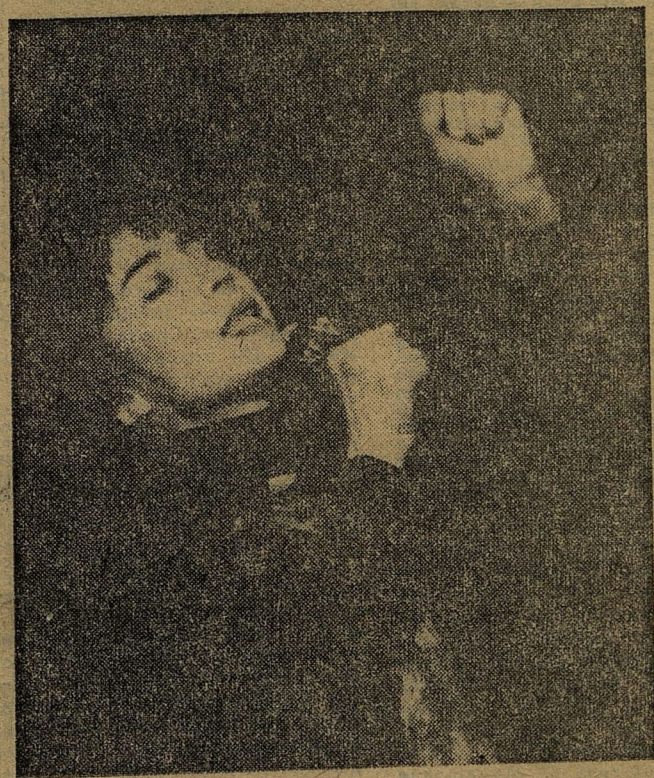
КОНЕЧНО, вначале было слово. Это слово разлосось в звук, в живую речь, а значит, искало себе исполнителя. Лучшим из них, как известно, был сам поэт. Может, в этом он и осуществлял более всего свое желание: «Я хочу быть понят...» Потом были актеры, чтецы. Сегодня среди них что-то не слышно мастеров ораторского громкогласия, а другую, более сложную поэтическую речь Маяковского еще предстоит разгадать и освоить.

Поэзия, однако, «пресволочнейшая штукавина», существует где-то, вроде бы молча, а потом вдруг является, открыв совсем не ту дверь, откуда ее ждали. Если бы самому Маяковскому сказали, что его сатирические стихи, написанные в 1914 году, спустя 70 лет с эстрады отважится петь (!) женщина (!) и это станет открытием, музыкальным и театральным, — тут и мало чему удивлявшийся Маяковский мог бы удивиться.

Нельзя назвать «Гимн обеду» забытыми стихами. Но открыть их заново стало возможным, как ни странно, музыкой и певческим голосом. Я говорю сейчас даже не о диапазоне и красоте голоса Елены Камбуровой, а о ее редкой способности погружаться в поэзию, в слово, переживать это непроезжское слово, как переживают роль, а потом находить и сохранять на сцене интонации, рожденные именно чувством, одухотворенным и точным.

Музыкальные интонации заданы композитором В. Дашкевичем, но в том-то и дело, что они могли быть заданы только Елене Камбуровой — Дашкевич и писал не песни на стихи Маяковского, а нечто другое. Так, интонационный рисунок чтения самого Маяковского никто, кроме Маяковского, повторить не мог, а если пробовал, оставался лишь имитатором.

Для Камбуровой были написаны песенные монологи «Послушайте!», «Хорошее отношение к лошадям», «Скрип-

ка и немножко нерано», «Гимн обеду». В индивидуальности актрисы композитор угадал, расслышал не «исполнительское», скорее авторское начало, которое и могло стать условием музыкального рождения (или, если хотите, воскрешения) поэзии Маяковского. Непростая, можно сказать, даже изысканная музыкальная разработка этих монологов теперь кажется естественно простой, то есть удобной для Маяковского.

Финал «Скрипки» Камбурова поет без текста, с закрытым ртом. Этот простой, «как мычание», звук долго держится в памяти, как жалоба или бессловесная молитва. Он вышел, выплеснулся из стиха и сам собой лег на ноты, этот звук, будто и не сочиненный композитором, а родившийся, чтобы продолжить слово и продлить его.

«Гимн обеду», напротив, был сочинен гневной фантазией поэта, и оттого безудерж-

на хлесткость этой издевательской оды — оды обедам, блюдам, тупому чреву. Тут не одна, а по меньшей мере три роли и три голоса у Камбуровой. Идиотическое оперное сопрано торжественно выпевает начало: «Слава вам, идущие обедать миллионы!». Потом ребенок-мальчишка смеется над зрелищем «желудка в панаме» и «слепой кишки» в очках. Наконец, собственный, страстный голос поэта (и актрисы) перекрывает всех болью и гневом, потому что «пожаром мир опоясан», и это страшно.

Камбурова абсолютно сосредоточена. Самая неулыбчивая из наших эстрадных певиц. В ее облике не удалая эстрада, а скорее отголосок трагедии, трагического театра. Уличная дерзость, но притом и выскокая культура, и скромность. Истовость. Бесстрашие. Глубина чувств, но никакой сентиментальности. Безошибочно угаданный смысл душевных движений — к упавшей лошади, к плачущей скрипке, к небу, наконец...

Вот ведь, оказывается, какая исполнительская индивидуальность неожиданно понадобилась стиху, о котором в похвалу принято говорить: грубый! Всем известно, что за этой зримой грубостью жила нежнейшая и ранимая душа. Или мы забыли о ней? Или такой уж ничем не пробиваемой броней заслонил ее поэт? Но вот она вырвалась и — запела...

И. КРЫМОВА